**Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.
2013-2023**

ISSN 0869--1908

URL - <http://vostokoriens.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 4 Том . 2020

Документальный сборник как инструмент «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях: раздумья историографов

Курас Леонид Владимирович

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Улица Сахьяновой, 6

Базаров Борис Ванданович

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН

Российская Федерация, Улан-Удэ

Аннотация

С середины 80-х годов XX в. «мягкая сила» стала важнейшим инструментом внешней политики и международных отношений ведущих держав. Этот механизм активно использовало и СССР по отношению к странам Варшавского договора и государствам по линии СЭВ. Наиболее полно механизм «мягкой силы» был задействован в отношениях с Монголией. Причем, не только в экономике, но и в социальной сфере: образование, наука, искусство, здравоохранение и ветеринария.

Сегодня в России лидирующие позиции в реализации механизма «мягкой силы» в отношении Монголии принадлежат исторической науке. Рецензируемый сборник является ярко выраженным инструментом «мягкой силы». Он охватывает 1922-1936 гг. – наиболее сложный период, на пути национально-государственного строительства нового общества минуя капитализм, преодоления сопротивления привилегированных классов Монголии, модернизации кочевой цивилизации, опираясь на всестороннюю помощь СССР, и Коминтерна.

Ключевые слова: Россия, Монголия, «мягкая сила», историческая наука: источниковедение и археография.

Дата публикации: 31.08.2020

Источник финансирования:

Статья подготовлена при поддержке РФФИ - МинОНК (Монголия) «Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ». Проект № 19-514-44001.

Ссылка для цитирования:

Базаров Б. В. , Курас Л. В. Документальный сборник как инструмент «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях: раздумья историографов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2020. – Выпуск 4 С. 94-101 . URL: <https://vostokoriens.jes.su/s086919080009176-0-1/>. DOI: 10.31857/S086919080009176-0

¹ В последнее десятилетие понятие «мягкая сила» [«soft power»] стало важнейшей составляющей современных международных отношений. В современном мировом сообществе существуют рейтинги фактора «мягкой силы» в ведущих странах мира, которые рассчитываются по таким параметрам как «культура», «политические ценности», «дипломатия», «образование», «бизнес/инновации», что находит отражение в современной российской историографии [Горлова, Бычкова, 2015; Гасилин, 2019], в том числе и на диссертационном уровне [Панов, 2012; Филимонов, 2013; Саломатин, 2014; Агеева, 2016]. Конечно, в этих рейтингах позиции России более, чем скромные, что обусловлено системным кризисом 90-х годов и тотальным отказом российских властей в начале 2000-х годов от этой стратегии, полагая её пережитком коммунистического прошлого. Более того, к началу двухтысячных годов Россия практически лишилась всего потенциала «мягкой силы» не только в мире, но даже в зоне своего прямого влияния и в частности в Монголии. Между тем, в этой части у России богатое прошлое и, особенно в экономике [Советско-монгольские экономические связи, 2019]. Сегодня это прекрасно осознает руководство Российской Федерации. Поэтому не случайно 9 июня 2012 г. Президент России В.В. Путин на совещании послов и постоянных представителей по теме «Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности» поставил задачу усиления эффективности «мягкой силы» в национальных интересах России. Сегодня Россия старается вернуть себе былую славу и влияние великой державы на региональном и мировом уровне. И в этой связи значение рецензируемого сборника документов как инструмента «мягкой силы» по истине велико. Следует также подчеркнуть, что у столь солидной академической структуры как Институт востоковедения РАН появился не менее солидный партнер в лице Центрального архива ФСБ России, что стало гарантом уникальности и фундированности 163 опубликованных документов, ранее имевших гриф «Секретно» или «Совершенно секретно». В сборник, в соответствии с правилами археографической обработки текстов¹, вошли специальные сообщения, письма, сводки, обзоры политического, экономического, военного и религиозного состояния Монголии в период 1922-1936 гг.

² В сборнике документов наиболее выпукло выявлены важнейшие направления документальной информации, среди которых особое внимание

уделено межгосударственным отношениям между СССР и МНР, изменениям во внутренней и внешней политике МНРП и правительства, борьбе между «правыми» и «левыми» в МНРП, политике руководства по отношению к ламаизму, вооруженным восстаниям, деятельности Китая Японии и США, направленным на подрыв влияния СССР, деятельности полномочных представителей, советников и инструкторов СССР в Монголии.

³ Конечно же важнейшим направлением в рассматриваемый период были военное строительство и военное сотрудничество, а также политика Коминтерна и РКП(б)/ВКП(б) по отношению к МНП/МНРП. Но эти аспекты нашли широкое освещение в специальных документальных изданиях, подготовленных усилиями творческого коллектива Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН [Российско-монгольское военное сотрудничество, 2019; Монголия в документах Коминтерна, 2012]. Однако в рассматриваемом сборнике документов, мы находим такие акценты, которые в корне меняют наше отношение к Коминтерну и коминтерновцам. Это касается, прежде всего, деятельности уполномоченного Коминтерна в Монголии М.И. Амагаева.

⁴ Матвей Иннокентьевич не обделен вниманием отечественной историографии. Ему посвящена монография профессора Н.П. Егунова [Егунов, 1974], а документы о его деятельности в Монголии украшают документальное издание «Монголия в документах Коминтерна» [Монголия в документах Коминтерна, 2012. Ч. I: № 59, 60, 61, 62, 65, 69, 70, 74, 78, 79, 80, 81, 89, 90, 91]. Но вот в рецензируемом издании из информационного сообщения «Современная Красная Монголия» от июня 1928 г. следует, что тотальный контроль над высшими партийными, законодательными и исполнительными органами власти Монголии осуществлял М.И. Амагаев лично, как уполномоченный Коминтерна, одновременно «возглавляя в то же время Высший экономический совет Республики» [№ 70]. Тем самым, он был наделен, фактически, диктаторскими полномочиями и уже этот факт заставляет нас по-другому взглянуть не только на место и роль Коминтерна в истории Монголии первой трети XX в., но его уполномоченного М.И. Амагаева.

⁵ Из опубликованных документов следует, что отношения между РСФСР и МНР в начале 20-х годов XX в. не были безоблачными. Советское руководство стремилось регламентировать все стороны жизни монгольского общества и осуществлять работу по образу и подобию Советской Россией. Более того, и Коминтерн, и руководство Советского государства стремились подменить деятельность директивных органов МНР и сосредоточить все рычаги управления в своих руках. Достаточно обратить внимание на информационное сообщение «Современная Красная Монголия» от 1928 г., где прямо сообщалось: «Высший контроль над деятельностью правящей партии (МНРП), Великого и Малого Хурулданов, Совета министром МНР и Полпредства СССР принадлежит особому уполномоченному Коминтерна» [№ 70]. Еще откровеннее такое положение вещей иллюстрирует высказывание заведующего орготделом ЦК МНРП Б. Дугаржава: «Возникший в партии раскол ведет свои корни из Советского Союза, стремящегося к колонизации Монголии» [№ 89]. Весьма красноречивым является информационное сообщение ИНО НКВД СССР о настроениях начальника ГВО МНР Намсарая, датированное августом 1935 г.: «Судьба независимости МНР будет

зависеть от того, насколько СССР, в частности Таиров (полпред СССР) будут трезво оценивать наше руководство и отдельных руководителей» [№ 143]. И заслуга составителей сборника как раз в том и заключается, что они не скрывают этих явных перегибов со стороны Советского руководства.

⁶ Советский Союз никак не мог и не хотел мириться с тем, что Монголия – это теократическое государство, лидер которого Богдо-гэгэн VIII сыграл ключевую роль в создании независимого Монгольского государства, сосредоточив в своих руках всю полноту светской и религиозной власти [№ 56, приложение]. Именно в этой связи в сборнике много документов оперативного характера, дающих негативную оценку деятельности монгольских чиновников [№ 143], партийных руководителей [№ 115, 130, 142, 151, 153, 154, 157], руководству армии [№ 146, 147, 150] и спецслужб [№ 59]. Конечно, это можно списать на традиционную отсталость Монголии в сравнении с западной цивилизацией. Но еще больше это обусловлено не пониманием сути и ментальности традиционного и к тому же, буддийского общества, особенностей кочевой цивилизации, где необходимо было в кратчайшие сроки осуществить «всестороннюю модернизацию и коренное реформирование политических и социально-экономических институтов Монголии». И российские большевики, и Коминтерн, да и сама победоносная революция в России были заточены на «Соединенные Штаты Европы», имели тесные связи с европейской социал-демократией. Российские революционеры первой волны знали европейские языки, долгие годы провели в европейской эмиграции, восхищались достижениями европейской демократии. И вдруг, в одночасье вектор мировой революции поменял свое направление с запада на восток, где, оказалось, все другое, непонятное, чужое. И это непонимание выражалось в жестких оценках, скороспелых выводах и абсолютной уверенности в том, что и руководство Монголии и ее спецслужбы в своей каждодневной деятельности должны следовать «московской линии» [№ 162]. Чего, например, стоит характеристика сотрудника ВЧК-ОГПУ, в последующем начальника Забайкальского губотдела ГПУ Ю.И. Клиндера в отношении монголов, как «ничего не делающих кочевников скотоводов», занимающихся «исключительно скотоводством», а «население Монголии – [это] полудикари-кочевники» [№ 10]. Он же рисует социальный портрет монгольского правительства, где, по его мнению, «чрезвычайно трудно найти более или менее приличного человека. Одни из них крупные государственные воры, другие – политические авантюристы» [там же]. Это давало повод князьям окраин, видеть «в лице Советской России захватчицу, навязывающую им чужие европейские и даже революционные новшества» [там же]. В свою очередь это порождало негативную реакцию, например, со стороны монгольских студентов, находившихся на обучении в Москве и Ленинграде [№ 66].

⁷ Еще более нелюбезные документы ФСБ, представленные в сборнике, касаются ламского вопроса [№ 68, 77, 83, 95, 104, 112, 113, 116, 119, 123, 124, 125, 143 и др.]. Конечно, спецслужбы видели воочию распад и разложение ламства. Оно проявлялось совершенно конкретно: в лицемерии, ханжестве, обмане, подкупе, ростовщичестве, азартных играх, спекуляции, пьянстве, растрате монастырского имущества, взятках и подношениях [№ 64, 68, 119]. Но были и более глубокие причины, о которых идет речь в оперативных документах

российской резидентуры. Во-первых, это движение лам за реставрацию власти Богдо-гэгэна [№ 80, 86], наиболее последовательным выразителем которого стал крупный буддийский религиозный, общественный и политический деятель России и Тибета, ученый и дипломат Агван Доржиев [№ 82] и как следствие этого движения имеется документ, свидетельствующий «об арестах лам в связи с движением в поддержку Богдо-гэгэна» [№ 95]. Во-вторых, ламство и миряне было всерьез озабочено финансовым состоянием дацанов и их будущим [№ 110], имея живой пример Бурятии, где все «монастыри занумерованы и со скота и имущества взимаются налоги, вследствие чего религия идет на упадок». Причем, такие процессы начались и в Монголии [№ 68, 102]. И, в-третьих, в среде ламства существовала твердая убежденность в том, что «делами существующего государства правят русские» [там же]. Сюда же следует отнести и проблему тибетской медицины и тибетских врачей [№ 77], которая получила самостоятельное звучание в российской историографии [Башкуев, 2016].

⁸ Между тем, в связи с ламским вопросом, несколько особняком стоят документы «о прениях по ламскому вопросу на V съезде МНРП» и реформации буддизма [№ 61, 62, 77]. На съезде с речью выступил ученый секретарь Ученого комитета МНР, российский и монгольский политический и общественный деятель Цыбен Жамцарано с предложением о приеме лам в партию, полагая, что «Программа нашей партии не расходится с религиозным учением, а наоборот, они одинаковы». При этом, он мотивировал свое предложение целью партии, которая, как и буддизм стремятся «помочь народной массе». В этой связи он подчеркивает, что «они должны объединиться для общей пользы». Многие делегаты съезда, включая Х. Чойбалсана, встретили это предложение с пониманием. Тем самым, на лицо возникновение идеологической платформы, имевшей место в российской социал-демократии еще в начале XX в. и известной как богостроительство [Казарян, 2002]. Богостроительство в российской империи возникло после поражения русской революции 1905-1907 гг., когда в общественном сознании появилось устойчивое настроение уныния, неверия, тоски и даже отчаяния. Резко негативное отношение к этому течению высказал В.И. Ленин в письме к А.М. Горькому, как представителю богостроительства [Ленин, Т. 47: 143]. Представляется естественным подобное выступление именно со стороны Ц. Жамцарано, автора концепции «культурного» панмонголизма [Курас, 2017]. Однако удивление вызывает его противопоставление ламаизма «захватническим религиям Христа и Магомеда». Кроме того, сама идея богостроительства прозвучала лишь через 6 лет после победы Монгольской революции, что, скорее всего, было вызвано внутривластным кризисом, выразившимся в борьбе между «правыми» и «левыми» в МНРП [№ 66, 106, 111, 113, 114, 115] и особым статусом ламства. Кроме того, следствием этого движения стала неудачная попытка «организации ламской либерально-клерикальной партии» [№ 93]. Между тем Ц. Жамцарано выступил противником реставрации ламаизма. На наш взгляд, эти действия выдающегося ученого и просветителя были обусловлены мучительными поисками возможности инкорпорировать ламство в новое монгольское общество, которое, увы, не увенчалось успехом.

⁹ Выступление Ц. Жамцарано на съезде привело к возникновению нестандартной ситуации в Ученом комитете МНР, где он пользовался

заслуженным авторитетом [№ 105]. Такое положение вещей как раз и привело к ламским заговорам [№ 83], контрреволюционной пропаганде [№ 112, 113], вооруженным восстаниям в поддержку феодалов и ламства [110, 112, 120, 128 и др.] и связи с повстанцами Танну-Тувы [№ 120].

¹⁰ При этом следует подчеркнуть профессионализм советских спецслужб в оценке оперативной обстановки в Монголии в части шпионажа, деятельности контрреволюционных и белобандитских организаций, состояния секретно-оперативной части ГВО, положение на монголо-китайской границе [№ 6, 14, 41, 51, 79]. Кроме того, в сборнике представлены документы о деятельности внешней разведки, связанных с выявлением планов Китая в отношении Монголии [№ 44, 45, 51, 53, 71, 74], политикой США и Японии в Маньчжурии, направленных на подрыв влияния Советского Союза [№ 76], донесений полковника Камацубара [№ 129], полковника Сипайло, деятельности атамана Г.М. Семенова и активизации казахских банд на алтайской границе МНР [№ 131, 135, 145, 163]. Причем, со стороны спецслужб западных стран и Китая, все это напоминало настоящую «гибридную войну» в отношении Советской России, появившуюся еще в XIX в. Этот феномен современная политология трактует следующим образом: «Совокупность методов военно-силового, политико-дипломатического, финансово-экономического, информационно-психологического и информационно-технического давления, а также технологий цветных революций, терроризма и экстремизма, мероприятий спецслужб, формирований сил спецназначения, сил специальных операций и структур публичной дипломатии, осуществляемых по единому плану органами управления государства, военно-политического блока или ТНК» [Панарин, 2016: 212]. Не случайно, начальнику Монголо-Бурятского ГПУ М.Д. Берману, где оперативная обстановка была схожей с Монголией, было вменено в обязанность осуществление закордонной работы в Восточной Монголии [№ 25].

¹¹ Но, пожалуй, наибольший интерес представляют документы, раскрывающие личностный фактор, т.е. суть деятельности полномочных представителей, советников и инструкторов СССР в Монголии. В документах прослеживается, прежде всего, профессионализм молодых дипломатов, их сопереживание и сопричастность, понимание сути происходящего. Они обладали прекрасными аналитическими способностями и были способны прогнозировать ситуацию. При этом советские дипломаты неукоснительно проводили линию ВКП(б) и Коминтерна на построение нового монгольского общества. В их числе А.Я. Охтин, В.И. Юдин, А.Н. Васильев, В.Х. Таиров [№ 5, 13, 21, 25, 34, 70, 139, 162].

¹² Хочется отметить, что рецензируемый сборник является первым такого рода изданием в отечественной историографии по истории Монголии и наверняка заинтересует читателей благодаря уникальности всех, без исключения, документов, предоставленных архивом ФСБ России, прошедших длительную и скрупулезную процедуру рассекречивания. В этом несомненная заслуга сотрудников Института востоковедения РАН (В.В. Грайворонский, М.И. Гольман, С.Л. Кузьмин, К.В. Орлова, Е.В. Бойкова, Р.Т. Сабиров), которые просмотрели 27 папок (около 7300 л.) и отобрал для публикации 163 документа. Не менее важной, нежели документальная основа, стали комментарии к документам [с. 400-488] и

справочный аппарат - перечень документов, библиография, список сокращений, именной и географический указатели и особенно глоссарий [с. 489-525], что под силу лишь профессиональным археографам. Все это позволяет завершить размышления историографов словами ответственных редакторов уникального сборника документов: «Как свидетельствуют документы, Монголия, добившаяся больших социально-экономических успехов, оказалась в сильной односторонней политической и экономической зависимости от СССР, и наряду с СССР понесла многочисленные жертвы при развернувшихся в конце 1930-х годов массовых политических репрессиях, утратила немалую часть традиционного культурного наследия» [с. 4]. Тем не менее, руководители двух стран «наши взаимоприемлемое сочетание коренных национальных интересов, путей преодоления возникших противоречий и препятствий и постарались в дальнейшем исправить допущенные ошибки и просчеты» [с. 5]. Свидетельство тому изданный сборник архивных документов ФСБ России о Монголии 20-30-х годов XX в.

¹³ Тем самым, историческая наука и важнейшие её составляющие источниковедение и археография могут стать важнейшим инструментом стратегии «мягкой силы» Российской Федерации по отношению к Монголии, если в полной мере состоится учет и оценка исторического опыта российско-монгольских отношений на протяжении всего XX в.

Примечания:

1. Составителям сборника документов следовало указать источник, регламентирующий эти правила. Например: Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд., переработанное и дополненное. – М.: Главное архивное управление при ЦМ СССР, 1990. – 82 с.

Библиография:

1. Агеева В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации. Дисс. к. полит. наук. СПб., 2016.
2. Башкуев В.Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016.
3. Гасилин Н.А. Понятие и сущность «мягкой силы». Молодой ученый. 2019. № 22(60), май. С. 399–401.
4. Горлова И.В., Бычкова О.И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения. Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 268–272.
5. Егунов Н.П. М.И. Амагаев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974.
6. Казарян А.Т. Богостроительство. Православная энциклопедия. Т. V. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. С. 542–543.
7. Курас Л.В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века / Рук. проекта, отв. ред. Б.В. Базаров, науч. ред. Ц.П.

Ванчикова. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017.

8. Ленин В.И. А.М. Горькому. 25 февраля 1908 г. Полное собрание сочинений. Т. 47. С. 141–145.

9. Монголия в документах Коминтерна (1919-1934) / Науч. ред. Б.В. Базаров. Ч. I (1919-1929); ч. II (1930-1934). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012.

10. Монголия в документах. Из архивов ФСБ России (1922-1936 гг.): сборник документов / Науч. ред. В.В. Наумкин; отв. ред. К.В. Орлова, В.В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019.

11. Панарин И.Н. Гибридная война против России (1816-2016 гг.). М.: Горячая линия – Телеком, 2016.

12. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911-1946): сборник документов. В 2-х ч. Ч I, II. М.: Издательский дом «Граница», 2019.

13. Советско-монгольские экономические связи. 1955–1985 гг.: сборник документов / Отв. ред. А.В. Юрасов; отв. сост. Е.Р. Курапова; сост. В.С. Пушкарев, Л. Мэндсайхан. М.: Фонд «Связь Эпох», 2019.

14. Соломатин А.Н. Коммуникативные стратегии формирования международного имиджа России: автореф. дисс. к.филол.н. М., 2014.

15. Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: автореф. дисс. д. полит. н. М., 2013.

Documentary Collection as an Instrument of “Soft Power” in Russian-Mongolian Relationships. Thoughts of Historiographers

Leonid Kuras

Institute of Mongol, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

Ulan-Ude, Sakhyanovoy St., 6

Boris Bazarov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SBRAS)

Russian Federation, Ulan-Ude

Abstract

Since the mid of 1980s, «soft power» has become the most important instrument of foreign policy and international relationships of the policies from leading countries. This mechanism has been used by the USSR towards to the countries of the Warsaw Treaty and the Comecon. This mechanism has actively been used in the relationships with Mongolia not only in economy, but also in social sphere, education, science, art, health service and veterinary medicine.

Recently in Russia, the historical science is taking a leading role in the realization of «soft power» towards to Mongolia. Peer-reviewed book is to be considered as a prominent instrument of «soft power». The book covers 1922-1936s – the most difficult period in the national-state building of new society without capitalism, overcoming the strength shown by Mongolian privileged class, modernization of nomadic civilization, and based on the multifaceted assistance by the USSR and Comintern.

Keywords: Russia, Mongolia, «soft power», historical science: source study and archaeography.

Date of publication: 31.08.2020

Citation link:

Bazarov B., Kuras L. Documentary Collection as an Instrument of “Soft Power” in Russian-Mongolian Relationships. Thoughts of Historiographers // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost. – 2020. – Issue 4 C. 94-101 .

URL: <https://vostokoriens.jes.su/s086919080009176-0-1/>. DOI: 10.31857/S086919080009176-0